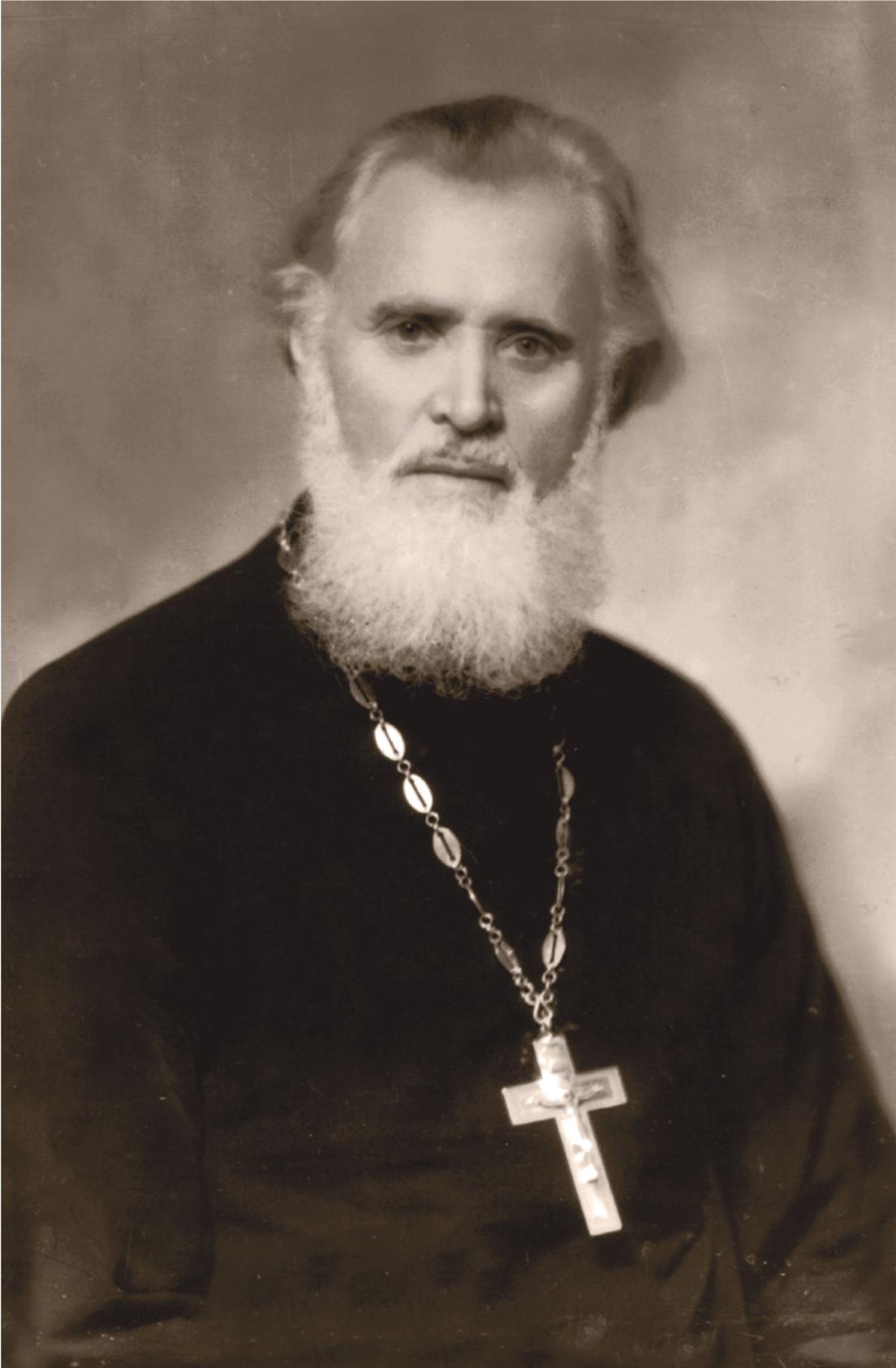

ПРОТОИЕРЕИ
ГРИГОРИЙ ПЕТРОВ

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ ГРИГОРИЯ ПЕТРОВА

ВСТУПЛЕНИЕ

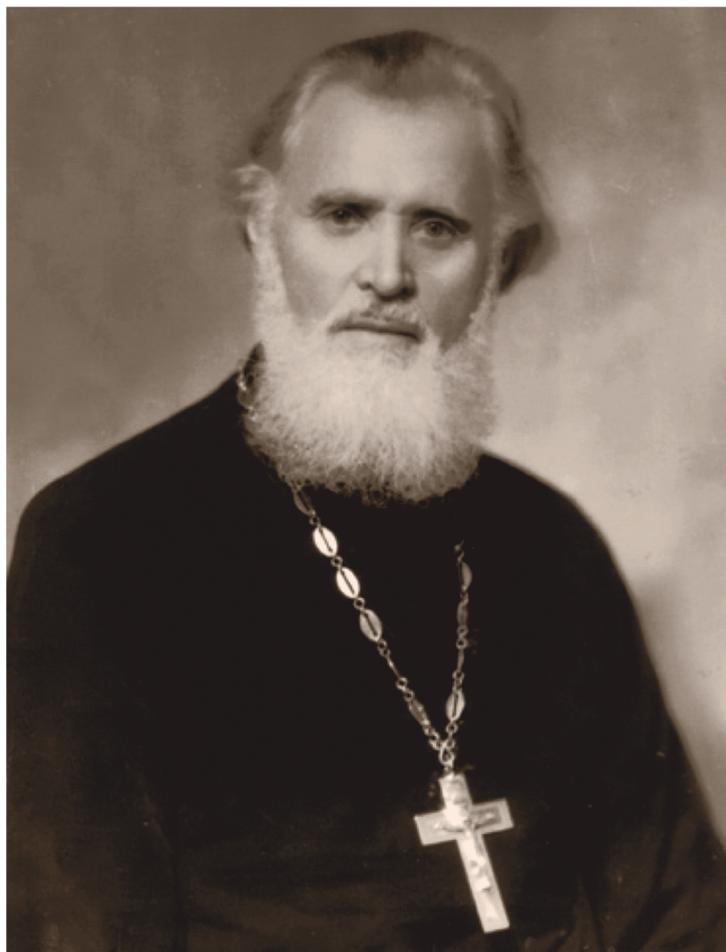
XX век был для Русской Церкви веком мучеников, число которых намного превзошло число тех, кто принял мученическую смерть за Христа в первые три столетия церковной истории. И это только те, кто канонизирован. Сколько же было тех, кто смиренно нёс свой подвиг веры – от нас сокрыто, их имена ведомы только Богу и самым близким им людям, иногда делящимися своими воспоминаниями. Так, благодаря игумении Иннокентии (Травиной), настоятельнице Богоявленско-Анастасиинского монастыря в Костроме, мы узнали о священнике Григории Петрове.

Человек необычной судьбы, отец Григорий и сам подробно описал основные вехи своего пути в трех исторических справках, сохранившихся в его личном деле. К сожалению, другими сведениями о нём мы не располагаем, но и из того немногочисленного, что есть в нашем распоряжении, складывается выразительный портрет на фоне эпохи – портрет человека, решившего посвятить себя служению Богу и ближнему в те годы гонений на Церковь.

Желание это осуществилось не сразу: пришлось пройти и через заключение и многие другие мытарства, прежде чем отец Григорий, с детства связавший свою судьбу с Церковью, принял священный сан. С этого момента начинаются новые испытания, новые скорби и радости, связанные с пастырским служением в ту эпоху. Увы, то время и выпавшие на долю отца Григория тревожные события упоминаются в его записях лишь вскользь. Создаётся впечатление, что они остались не-

законченными, что это лишь набросок для более подробного рассказа, на который не хватило времени, при том, что у автора был и талант рассказчика, и вкус к литературной работе. Восполнить его слово не представляется возможным, но можно дополнить сказанное отцом Григорием некоторыми подробностями того времени, на фоне которого разворачиваются события, делающие «исторические справки» из личного дела живым свидетельством, интересным широкому читателю.

...Умудрённый нелёгким жизненным опытом взгляд, обращённый не столько вовне, сколько внутрь себя, аристократическая наружность – таким мы видим отца Григория на фотографии, много говорящей о его внутреннем складе, о его характере.

Первое впечатление подтверждается и воспоминаниями игумении Иннокентии:

«Мои воспоминания о протоиерее Григории Петрове памятны мне с детства. Я помню батюшку как талантливую и замечательного проповедника. Таким отца Григория помню и люблю не только я. Таким помнят и любят батюшку все прихожане города Каширы Московской области.

Церковь Святых Мучеников Флора и Лавра города Каширы была в те 1950-е годы единственным храмом города. Несмотря на непростое время, храм в большие праздники и воскресные дни был переполнен молящимися.

Из алтаря выходил священник высокого роста с благостным взором и лицом, приковывая к себе вниманием, молитвенным настроением и отеческою любовью – неповторимыми способностями ревностного пастыря.

*Храм Святых Мучеников Флора и Лавра.
Город Кашира. Московская обл. 1957 г.*

*Слева - Мария Петровна (супруга отца Григория),
протоиерей Григорий Петров,
протоиерей Василий Бащук с супругой.
Во втором ряду вторая справа Валентина Ивановна Травина –
будущая настоятельница Макариево-Писемского монастыря
Костромской епархии схиигуменья Макария.*

Давая советы, отец Григорий говорил: «Да благословит Вас Бог!». Никто не видел отца Григория погружённым в свои заботы, он всегда был в приподнятом радостном настроении. «Буду молиться» – тихо говорил батюшка. Отец Григорий отличался особой простотой и особой силой духовности – природными качествами характера, а также душевной теплотой и умиротворением.

Никто не видел своего пастыря растроеным, огорчался он только тогда, когда дело касалось Церкви и веры. Говорил очень спокойно с людьми, почти полупрошепотом, так, чтобы только услышать его, хотя голос от природы у него был звучный и сильный – низкий баритон. Однажды при вопросе как ему удаётся быть всегда спокойным, отец Григорий отве-

тил словами пророка Давида: «Уготовихся и не смутихся» (Пс. 118, 60). Отец Григорий обладал здравым смыслом, без слов понимал каждого человека. Имея большой духовный опыт, умел тонко лечить греховные пороки осторожно и деликатно. Он был мужественным и волевым человеком. Проповеди батюшка говорил только на тему Праздника или Евангелия. Говорил очень чётко, громко и понятно. Это был собранный цельный Человек. Предостерегал своих близких духовных чад от вольного обращения с людьми и сам был очень сдержан. Говорил: «Старайтесь не давать воли своим чувствам и избавитесь от помыслов», после чего призывал каяться перед Богом за свои дела и мысли. Это было его правилом. «Мы должны по Апостолу Павлу», – говорил отец Григорий, – «сделаться новыми людьми» (Еф. 4, 22-24; Кол. 3, 9-10).

*Слева направо: Валентина Ивановна, Протоиерей Василий,
м. Мария, Протоиерей Григорий*

Отец Григорий был очень аккуратным, внимательным и на редкость точным, любил чистоту. Хорошо знал медицину (ещё задолго до принятия сана священства, он многих спас людей, оказывая им первую медицинскую помощь). С большим знанием говорил о симптомах болезней. Однажды по медицине подарил книгу нашей семье.

Жили мы тогда на квартире и благодаря отцу Григорию нашёлся человек, который продал одну комнату в частном доме по очень сходной цене. Так у нас появилось первое жильё.

Мы с мамой, матушкой схиигуменьей Макарией, (Валентиной Ивановной Травиной), в то время исповедовались у отца Григория. Покаяние у прихожан было не формальное, а искреннее, способствующее обновлению души, и когда я ещё ребёнком видела такую исповедь схиигуменнии Макарии и прихожан со слезами, для меня навсегда осталось незабываемым Таинство Исповеди.

На новоселье: справа - будущая схиигуменния Макария, в центре - м. Мария (супруга отца Григория Петрова), слева - м. Ольга (супруга отца Василия Бащук).

*Будущая схиигуменья Макария с дочерью -
будущей игуменией Иннокентией, 1957 г.*

Отец Григорий очень много трудился в храме. Носил часы не на руке, а карманные старинные. Ходил постоянно и зимой, и летом в кирзовых сапогах, летом в чёрном костюме, а весной, осенью и зимой в пальто и всегда с тросточкой в руках. Когда однажды пришёл к нам в дом, посмотрел на меня, и улыбнувшись сказал: «Тросточка у меня тяжёлая». Но даже в детском возрасте я понимала, что в то время было много враждующих и смятённых сердец, а отец Григорий ходил по требам без боязни один.

Отец Григорий ежегодно покупал для меня билеты на ёлку в Москву, и сам оплачивал подарок заблаговременно. Когда приезжали в Москву, останавливались на квартире в Нагатино у батюшки. Принимала нас его матушка Мария Петровна, доброй души человек, и всегда угощала. У них

была 2-х комнатная квартира, где в гостиной мы пили чай или обедали. Жили они очень скромно, ничего не было лишнего: шкаф, стол, стулья и диван для гостей. Кроме двух детей Надежды и Владимира, с ними жила ещё 90-летняя мама Марии Петровны по имени Ева, и когда она видела нас, обязательно приветствовала и затем уходила – постоянно молилась. Матушка Мария Петровна ничего лишнего никогда не говорила, была очень простой, но вида аристократического, речь спокойная. Разговаривали они в семье тихо, мир дома был удивительный и благородство, так как отец Григорий был замечательным хранителем мира в семье.

Общение с отцом Григорием было для нас благотворным, когда или побыв у него на исповеди, или получив его благословение на поездку с матушкой Макарией в Троице-Сергиеву Лавру, Киево-Печерскую, Почаевскую Лавры, мы чувствовали его поддержку и молитвы.

Расскажу об одном произошедшем случае на Пасху в Каширском храме. Около храма жил с семьёй 17-летний юноша Виктор, который решил вместе со своими сверстниками на Пасху выстрелить из рогаток в лампочки храма. В Пасхальную ночь, как только вошли с Крестного хода в церковь, прогремели несколько громких выстрелов – свет погас во всём храме. «Христос Воскресе» – пели в темноте... Людей было очень много. Как и все прихожане, псаломщица (будущая схиигумения Макария), как и все певчие двух хоров, тяжело пережили это событие. Пришлось все пасхальные песнопения петь в темноте. После службы матушка, хорошо знавшая семью Виктора и его родителей, поспешила в дом Виктора и сказала ему со слезами: «Виктор, что ты сделал? Весь народ в Пасху оставлен без света», – но 17-летний молодой человек, находясь в круговороте

атеистической жизни, виноватым тогда себя не считал. Через год Виктор выехал из города со своими друзьями на охоту, и нечаянно его же друг выстрелил ему в глаз. Слепнув, Виктор осознал свой поступок и сказал: «Бог меня наказал». В ту Пасху отец Григорий призвал всех находящихся в храме к спокойствию и к прощению обидчиков. Он умиротворил всех и наставил в светлых Пасхальных чувствах продолжать Пасхальное радостное торжество.

В дальнейшие годы батюшка все силы также отдавал служению Церкви своими трудами и живым словом верности Святой Церкви. Он шёл и ехал на все требы, на расстояния более 50 километров в деревни и сёла, так как храм в Кашире был один. С 1959 года отец Григорий стал служить в селе Ваулово Московской области, куда мы по возможности ездили вместе с другими прихожанами.

В последний год жизни отцу Григорию по болезни пришлось обратиться в больницу в Москве, где врач предложил операцию. В назначенный день утром, в 9 часов, перед операцией врач с иронией заговорил о вере. Разговор был серьёзный, и священник, ревностно защищая православную веру, выразил желание и умереть за Христа.

Через некоторое время мы узнали, что отец Григорий скончался на операции. В это время яркий луч солнца засвидетельствовал, что Всемилостивый Господь принял Своего верного раба...»

ПЕРВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Я, нижеподписавшийся Петров Григорий Степанович, родился в бедной рабочей семье 12/25 марта 1903 года в местечке Глуске Бобруйского уезда Минской области в Белоруссии.

После окончания Глуской церковно-приходской школы, где я, с первого года обучения, уже начал петь в церковном хоре и в течение четырёх лет с 1911-го по 1915 год под руководством опытного регента, состоял певцом от приходской школы Глуского Богоявленского храма, а затем с 1916-го по 1917 год работал в Бобруйской военной шорной мастерской «СЕВЕРОПОМОЩЬ»¹⁾.

С 1917-го по 1921-й год я учился и окончил Глуское 4-х классное городское училище, и снова продолжал петь в церковном хоре Глуского Воскресенского храма.

С 1921-го по 1924 год я учился в Глуской школе Второй ступени, которую также успешно окончил, и мог поступить в любой институт, но по благословению бывшего моего законоучителя и настоятеля Глуской Богоявленской церкви протоиерея отца АЛЕКСИЯ Ставровича и по его ходатайству перед Бобруйским епископом ФИЛАРЕТОМ, я был назначен в феврале месяце 1925 года псаломщиком Сретенской церкви села Зеленковичи Глуского района за семь месяцев до своего очередного призыва на действительную военную службу.

В Глуской Советской Школе Второй ступени, я проходил военную подготовку и был отличником по строевой службе и меткой стрельбе и в момент призыва я тянул жребий, который тогда применялся в Бобруйском призывном Военном округе, в котором было указано число и день для прохождения медицинского осмотра и зачисления в воинскую часть.

Вытянув такой жребий и убедившись в том, что моя очередь для медосмотра была только через три недели, то я решил уйти домой в Глуск.

После моего ухода, кто-то заявил приёмной комиссии о том, что я псаломщик – служитель религиозного культа. Через три дня, меня вызвали в Глуский Райвоенкомат и убедившись с моих слов в том, что я действительно состоял псаломщиком при церкви села Зеленковичи, отняли у меня ранее вытянутый мой жребий и сказали мне: идите домой, а когда нужно будет, мы сообщим вам, когда нужно будет явиться на комиссию в Бобруйск.

Я ушёл домой и более месяца ожидал сообщения о том, когда должен был пройти медосмотр. Когда же наконец, мне об этом сказали, то на следующий день я прибыл в Бобруйский призывной округ, где было всего шесть человек допризывников: два торговца, два сына священника, один из зажиточной семьи, шестой псаломщик и я седьмой.

Нам всем было предложено раздеться догола и с своими вещами следовать в приёмную комнату. Разделся и я. На мне был нательный крестик и допризывники, заметив его, с удивлением спросили меня: «ты так и пойдёшь? не будешь снимать?» Снимать крест не буду, так и пойду, я ХРИСТИАНИН!!!

Когда же мы все семь человек вошли в приёмную комнату и там положили в указанное место свои одежды, а затем в порядке очереди подходили к столу председателя приёмной военной комиссии Бобруйского округа и передавали ему свои допризывные свидетельства, то он, заметив на мне нательный крестик и посмотрев в моё допризывное свидетельство, где в графе «образование» было указано «среднее», то председатель сказал: «и для вас мало этого образования чтобы развеять туман?» «Какой туман?» – спросил я. «А вот, что вы веруете», – сказал он, указав на мой крестик. «Да! Я верую во Единого

Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во Единаго Господа Иисуса Христа Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век...» – и готов был до конца прочитать «Символ веры», но меня остановили и начали укорять – это вы мол делаете всё с целью, чтобы не служить в красной армии.

Я тут же ответил им: «напрасно Вы так думаете, ведь наука и искусство идёт всегда вперёд, а религия на своём месте всегда и к чему нельзя подойти знанием, то в свои права вступает вера. Я не уклоняюсь от службы в Советской армии и с своей стороны ничего не измышляю и с большим желанием готов служить в рядах военно-морского флота». Около меня уже стоял врач-еврей и он громко ответил: «только не по духу» и начал выслушивать у меня биение сердца и действие лёгких – вдох и выдох, а трубка в его руке, нервно прыгала, не равнодушен он был к кресту на моей груди.

Затем было предложено мне подойти к другому врачу, уже русскому человеку, который внимательно и спокойно выслушал меня, дружески и тепло положил свою руку на моё плечо и так душевно произнёс: «что ж дорогой, у нас такие как вы служат в морском флоте», а всё тот же врач-еврей повторил: «только не по духу», то есть потому, что я оказался верующим.

Потом мне было задано еще несколько вопросов, в том числе и о моём происхождении, и я ответил комиссии, что мой покойный дедушка со стороны моего отца, был еврей.

При Николае Первом, он отслужил в армии 27 лет и был участником в боях с турками и достиг Константинополя²).

Властями того времени было заключено перемирие. Мой покойный дедушка, после ожесточённых рукопашных боёв с турками, не имел на себе ни одной раны и узрел он в этом, ни что иное, как чудо, ибо после боя в его полку осталось всего

семь человек, в том числе и мой покойный дедушка и поэтому он решил принять Христианство и крестился он в городе Константинополе, а крестным его отцом изъявил желание быть сам полковник Тифлиского гренадёрского полка ПЕТРОВ-КАРНИЛОВИЧ, который и передал моему дедушке свою фамилию: ПЕТРОВ-КАРНИЛОВИЧ вместо бывшей еврейской, а имя при крещении дано было дедушке «КОНСТАНТИН».

За боевые заслуги, дедушка был награждён семью орденами высшей степени того времени и был демобилизован по возрасту.

Он был родом из города Слуцка, где он за время своей долголетней службы в царской армии, никогда не был в отпуске.

Железной дороги тогда ещё не было, и дедушка более года возвращался пешком из Константинополя на свою родину. Дошёл он до местечка Глуска и на 54-м году своей жизни, женился на вдове Матроне Погурной и был отцом троих детей, в том числе и мой отец Стефан. За свои ордена дедушка получал такую пенсию-награду каждый год, что её вполне хватало на содержание всей своей семьи и умер он в глубокой старости.

Обо всём этом, мне рассказала покойная моя мама ещё в детстве, а когда я уже стал взрослым, то решил обратиться в Глуский ЗАГС, где хранились бывшие записи церковных книг: «О Браке, Рождении и Смерти», и вот я нашёл такую запись: «Безсрочно отпущенный рядовой Тифлиского гренадёрского полка Константин Петров, он же Карнилович, вступил в Законный брак с вдовой Матроной Погурной». Вот об этом я и доложил призывной комиссии.

Военной призывной комиссией я был признан годным для несения службы в военно-морском флоте, но зачислен в запас тыловых ополченцев.

Там же на руки, вместо военного билета, мне было выдано удостоверение, в котором на видном месте было напечатано большими буквами: «ЛИШЁН ПРАВА ЗАЩИТЫ СССР С ОРУЖИЕМ В РУКАХ». Такие же удостоверения были выданы остальным шести допризывникам, и нас отпустили по домам.

Таким образом, из-за службы в храме псаломщиком, я был лишён гражданских прав, стал лишёнцем, что непонятно современному молодому духовенству³⁾ и продолжал служить в церкви до поступления в единственную в то время в Советском Союзе Московскую Богословскую Духовную Академию (обновленческую).

Других духовных школ тогда не было, а я желал получить Богословское образование, ибо другие институты для меня как лишёнца, были недоступны. Бывший законоучитель протоиерей Алексей Ставрович, провожая меня в Москву напутствовал так: «Григорий Степанович, знаю что Вы уезжаете в обновленческую Академию, которая нарушает канонические правила Русской Православной Церкви, но Вы всё испытывайте, а хорошего держитесь, ведь и Апостол Павел учился у Гамалиила и готовился быть членом Иерусалимского Синагона, а Господь призвал его на апостольское служение и обращение язычников в Христианство, поезжайте, молитесь, учитесь и Господь призовет и Вас для служения Православной Христовой Церкви». Я от души поблагодарил своего законоучителя и в дальнейшем его совет выполнил, так как по окончании Духовной Академии я не пошёл на приход с указом обновленческого Синода, а выждал время, когда обновленческий раскол был упразднён, что своей подписью и свидетельствую.

(Г. Петров)

ВТОРАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Когда я, Петров Григорий Степанович, в сентябре месяце 1929 года по извещению канцелярии Московской Богословской Духовной Академии о том, что я принят и зачислен студентом на первый курс духовной академии прибыл из Белоруссии в Москву, то на извозчике от Белорусского вокзала я должен был заехать в Троицкое подворье, в Троицкий переулок около Самотёки и доложить в канцелярии Академии о своём прибытии.

Там мне дали записку старосте студенческого общежития, находившегося на колокольне храма Святых Первоверховных Апостолов ПЕТРА и ПАВЛА на Ново-Басманной улице дом 11 кв. 3.

На том же извозчике, старик с большой седой бородой, который не очень поторапливал свою лошадку и кстати оказался весьма словоохотлив, по пути от Белорусского вокзала, он как экскурсовод, пояснял мне достопримечательности Москвы, за что и по сие, я благодарен ему, так как всё, о чём он рассказал мне, свято осталось в моей памяти, я доехал до студенческого общежития – храма Петра и Павла и уплатив по договорённости старику три рубля, я поднялся по чугунной лестнице в общежитие и когда подал записку старосте из канцелярии, в которой говорилось, чтобы я был прописан по этому общежитию как студент Академии и обеспечен местом отдыха.

Прочитав записку, староста священник Александр Ольховик, указал мне место – пустой угол. «А где же кровать и тумбочка?» – спросил я его. Он мне ответил: «Если у Вас есть деньги, то на Сухаревском рынке, вы всё это сможете купить», и кроме этого сказал, что студенты Духовной Ака-

демии не получают продовольственные карточки, ни стипендию, и не прикреплены к столовой, кто как может, тот так и устраивается.

Такое откровение старосты меня крайне огорчило и поскольку для меня, как лишённого гражданских прав, другого выхода и выбора в таком положении не было, я и решил остаться.

На следующий день, я был прописан 37 о/милиции, находившимся в то время на Ново-Басманной улице, которое выдало мне удостоверение, формата трудовой книжки, так как тогда не были ещё введены паспорта и в графе «Род занятия» было написано красивым почерком: «Студент Московской Богословской Духовной Академии».

В скором времени в сопровождении студентов второкурсников, я ходил на Сухаревский рынок и купил там себе складную железную подержанную кровать без матраса за семь рублей.

Во время учебного 29-30-года, я посещал принадлежащий тогда обновленцам храм ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ и был рукоположен в нём митрополитом Александром (Введенским)⁴⁾ в сан диакона и без всякого содержания, как студент по воскресным и праздничным дням служил третьим диаконом до самого закрытия храма ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, а летом 1931-го, он был взорван. Сейчас на том самом месте, атеисты устроили бассейн, так как что-либо другое в течение тридцати лет не могли построить, всё проваливалось и безвозвратно исчезало из-за тинистого места с их слов, а вот храм ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ строился 44 года, имел высоту внутри храма 100 метров в чистоте и вмещал 10 000 человек из расчёта $\frac{3}{4}$ аршина квадратной площади на каждого человека. Это был действительно чудесный памятник, построен-

ный в честь освобождения Москвы и России от полчищ Наполеоновских войск 1812 года, как монумент народной славы и величия России.

Весной 1931-го года, после окончания учебного года, я поступил работать на должность матроса пассажирского катера Московского речного пригородного пароходства.

В духовной школе занятия были с 18 до 23 часов, и это давало мне возможность работать днём, а в зиму 1931–1932-го учебного года окончить курсы рулевых мотористов при комбинате «Красный Водник» на Ордынке в Москве, а затем расти по службе речного транспорта.

По окончании Духовной академии в 1932 году, я не приступил к службе в храме по двум причинам: во-первых, слишком открыто и настойчиво велась травля и нападки со стороны руководителей обновленческого толка на так называемую Тихоновскую церковь, т. е. на основную каноническую Русскую Православную Церковь, а во-вторых, слишком были усилены аресты духовенства обоих толков и по этим двум причинам я и продолжал работать в пригородном пароходстве⁵). Женился я на своей землячке девице Марии Петровне Лисицыной и весной в 1935 году, я уже вырос до должности начальника пристани Нагатино, получил комнату размером 14 кв. м. в доме № 10 кв. 12, МССЗ.

Что написано на роду, того не обойдёшь и не объедешь. В ночь с 20 на 21-е июля 1935 года, я был арестован на служебном посту и за сорок суток побывал в двух Московских тюрьмах: на Лубянке и в Бутырках.

Заочно особым совещанием тройки НКВД по ст. 58-10, я был осуждён к трём годам лишения свободы с отбыванием в ИТК Беломорско-Балтийского канала за то, что случайно попавшая мне книга «Протоколы Сионских Мудрецов» была пе-

редана мною митрополиту Введенскому, с просьбой пояснить мне непонятные изречения, а он вместо пояснения, не возвратил мне эту книгу, а донёс на меня в Г.П.У., якобы я занимаюсь контрреволюционной провокацией, что конечно было полнейшим абсурдом.

При аресте и обыске на квартире в Москве в 1935 году, у меня были изъяты и уничтожены все документы о пребывании и окончании мной Духовной Академии.

Будучи в заключении, я послал Введенскому письмо укоризненного содержания, за его предательство студентов Духовной Академии, которые были арестованы и осуждены также, как и я за трёхлетнее моё пребывание в общежитии и фамилии их мне напомнил следователь Баскаков в Бутырской тюрьме после того, как он допросил меня, и я ничего не утаил о возникшей книжке, из-за которой я оказался преступником в глазах Г.П.У.

До окончания трёхлетнего моего заключения, я не был освобождён, потому что за то письмо укоризненного содержания, которое было послано мной в Москву Введенскому, без всякого допроса и следствия в лагере Уч.П.П. мне было предъявлено постановление Особого Совещания Тройки НКВД о том, что как С.О.Э. я осуждён к пяти годам в ссылку в восточный Казахстан.

Я пытался возражать такому произволу и отказывался от росписи в том, что мне объявлено такое постановление.

Когда же я об этом рассказал заключённым, находившимся со мной в одном бараке, а среди них было очень много высокообразованных и военных людей, то выслушав меня они сказали: «Вы уже знаете, что такое север и Карелия, а сейчас может быть вас на юг увезут». Эту шутку я принял за истину и на другой день подписал свой приговор и в тот же день меня взяли в лагере под конвой.

После двухмесячного моего этапирования с Севера на Восток в столыпинских вагонах в пути следования, я побывал в нижеследующих пересыльных тюрьмах: 1. Уч.П.П., 2. Медвежья Гора, 3. Ленинград – «Кресты», 4. Свердловск, 5. Челябинск, 6. Новосибирск, 7. Семипалатинск и 8. Алма-Ата.

В пути следования, сопровождавший нас конвой, вызывал по одному с вещами в коридор в конце вагона, заставлял раздеться догола и выложить на пол все свои вещи и что понравится конвою, они говорят: «Это вам не положено иметь», – отнимали и отбрасывали для себя в сторону. Дошла очередь и до меня. Я всё время читал тихонько, про себя, молитву Господню: «Отче наш» и когда подходил с чемоданом в руках к сидящим на полу трём конвоирам, они приподнялись, вытянулись, не спуская глаз своих с меня, затем сказали: «Иди капитан обратно». Без всяких знаков отличия на мне была морская форма одежды, как спецовка Беломорско-Балтийского Канала, где на пристани Сегежа, в 1936 году всю навигацию я работал диспетчером будучи заключённым, и от меня не отняли её при отъезде в ссылку. Услышав такую команду конвоя, я повернулся и пошёл обратно за решётку в своё купе, и всех удивило моё скорое возвращение. Я ответил, что не понравился конвою, потому и отправили они меня обратно, а сам всё время продолжал читать молитву и в душе благодарил Господа за Его такое заступление за чтущих Его.

По прибытии к месту ссылки в город Усть-Каменогорск, в марте месяце 1939 года, я уже был освобождён со снятием судимости и всеми ограничениями, но тогда я не был ещё полностью реабилитирован и поэтому не мог возвратиться на прежнюю работу в речной транспорт, согласно Устава речного транспорта того времени.

Освободившись, я поступил на работу там же в Усть-Каменогорске в штат «Иртышгэсстроя» на должность диспетчера, но бывшая местность ссылки не могла быть для меня местом жительства и труда, где зимой 60 градусов мороза с ветром, а летом столько же жары. Я отработал положенное время до отпуска и уехал. Дальнейшая моя трудовая деятельность вся отражена в моей трудовой книжке.

По возвращении из ссылки к семье, в Москву, мне было отказано в прописке, и я был вынужден искать себе новое место жительства. Для этой цели я уехал к своей родной сестре в г. Владимир на Клязьме и поступил на работу начальником Владимирской водолазно-спасательной станции. Эта работа мне очень понравилась, так как рискуя собой, спасаешь других тонущих злых и добрых, трезвых и пьяных людей.

Только за одно лето 1940-го года я не допустил ни одного несчастного случая со смертельным исходом на воде и выполнил всё и перевыполнил по плану всю профилактическую работу, за что станция получила с Волги переходящее красное знамя с денежным вознаграждением.

В марте месяце 1941-го года я был переведён в г. Ковров на ликвидацию всех отрицательных работ Ковровского Райосвода. Тот же метод и опыт я применил и в Коврове, где меня застигла Великая Отечественная война и по ходатайству Ковровских властей из Центрального Комитета Оборонны в персональном порядке для меня была получена бронь до конца войны. При подведении итогов Областным Руководством было установлено, что Ковров под моим руководством вышел на первое место и уже переходящее Красное знамя с г. Владимира, было передано в Ковров с денежным вознаграждением.

В сентябре месяце 1943-го года я отказался от брони и просил Ковровский военкомат направить меня на фронт. Владимирской Военной комиссией я был признан годным для выполнения подводных работ по подъёму со дна моря затонувших военных кораблей. С этой целью я был направлен в Московский флотский полуэкипаж, находившийся на территории санатория «Лебедь», где другая отборная комиссия зачислила меня в команду «22» «НИМИСТА» – Научно-испытательного Морского Института Связи и телемеханик Военно-морского флота по улавливанию подводных звуков на подобие локации, где я был содержателем этой команды со званием старшины первой статьи ВМФ, в которой прослужил до конца войны.

В январе 1945 года в Москве проходил Поместный Собор, на котором был избран Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ.

Я мечтал о том, что по демобилизации получу от Введенского дубликат документа об окончании мной Духовной Академии, что и осуществилось летом в 1946 году, т. е. получил удостоверение об окончании мной Духовной академии, но продолжал работать на гражданской работе до тех пор, пока Господь, после всех безвинно пережитых мной мытарств, призвал меня для служения уже в храме Божиим.

Таким образом, лишь за то, что я имел стремление познать ИСТИНУ – получить духовное образование, по вине ректора Духовной Академии митрополита Александра (Введенского), умершего в 1946 году, я побывал в десяти тюрьмах и Слава Богу за всё.

Бывший узник:

(Г. Петров)

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Демобилизовавшись по окончании войны по возрасту осенью 1945 года мне нужно было работать на гражданской службе лишь потому, чтобы судом выселить из той комнаты, в которой я проживал до войны и своего ареста, так как после эвакуации моей жены с дочерью из Москвы осенью 1941 года, нашу комнату 14 кв. м. нахальным образом занял некий Каменский, который служил в польских войсках, где-то нагребил отрезков шерсти и пораздавал работникам коммунального хозяйства, и те в свою очередь дали ему такую справку, что он до войны проживал и был призван в армию с этой нашей площади.

Я же сумел восстановить как свою, так и всей семьи прописку в этой комнате благодаря тому, что у моей жены сохранился паспорт, выданный Московской Нагатинской милицией ещё до войны. И вот на протяжении девяти месяцев нам пришлось таскаться по судам и, наконец, добиться того, что Каменский немедленно был выселен из нашей комнаты.

В скором времени мне было предложено возглавить на Москве-реке спасательную станцию Кожухово, и это предложение я принял. На спасательной станции, с момента её существования не было электрического освещения и телефона.

По своей привычке преодолевать трудности, эти две необходимости были успешно разрешены и не истратив ассигнованных на такое мероприятие 20 000 рублей, без всяких затрат, на спас-станции появилось электричество и телефон, за что и был я премирован Московским пароходством из фонда особо отличившихся.

На этой спасательной станции я заболел пояснично-крестцовым радикулитом. Долго лечился в поликлинике водников и, наконец, по заключению втэковской комиссии и по

путёвке я был направлен на грязелечение на курорт «Саки», где и пробыл в течение декабря месяца 1947 года и принял двенадцать общегрязевых ванн. Радикулит вылечил, а сердце разрушил и при очередном медосмотре в Москве, врачи обнаружили нарушение сердечной деятельности, отметили в личной моей лечебной карточке и сообщили моему руководству о том, что с таким нарушением сердечной деятельности в результате сильного перегрева из-за грязевых ванн, принятых мной, я не допускаюсь до работы по спасению людей на воде, и меня от работы освободили с выдачей двухнедельного выходного пособия.

Оказавшись без работы, я пытался поступить на другую гражданскую работу, но мне нигде больше не нравилось.

В 1946 году я решил навестить митрополита Александра (Введенского) для того, чтобы получить от него документ об окончании Духовной академии.

Когда я получил на руки такое удостоверение, я решил напомнить ему о его деятельности и назвал фамилии всех тех студентов, которые из-за него были арестованы, в том числе и я. Он молча слушал, а голова его склонялась всё ниже и ниже. Наконец, я сказал ему: загляните в свою совесть, пусть она сама осудит Вас, и ушёл.

После моего такого обличения, как я потом узнал, он, будучи уже больным инфекционным двухсторонним воспалением лёгких, ни с кем не разговаривал, лёг в постель и на следующее утро скончался, и таким образом на моём удостоверении была собственноручно учинена им и осталась его последняя подпись.

По этому удостоверению я был воссоединён из обновленческого раскола с Православной Церковью и начал посещать в приёмные дни Московское духовенство для того, чтобы определиться на службу в храм Господень.

Знакомых у меня не было, но тем не менее я был принят сначала на должность помощника старосты, а затем был назначен и старостой того же храма Святого Мученика Иоанна Воина, что на Якиманке в Москве, что дало мне возможность после длительного перерыва восстановить в своей памяти порядок Богослужений и все обряды-требы, совершаемые по христианскому обычаю.

В этом храме я пробыл четыре года и, естественно, во мне ожило прежнее желание, быть служителем святого алтаря и по этому вопросу я обратился с просьбой к покойному архиепископу Макарию (Можайскому), викарию Московской епархии, и просил его определить меня на вакантное место службы диакона, чтобы не уезжать далеко от Москвы, так как двое моих детей Надежда и Владимир, были школьного возраста.

Вместо этого он предложил мне настоятельское место в г. Каширу – самостоятельную службу на большом приходе и беспокойном.

Поскольку я не ожидал от него такого предложения идти в настоятели, и причём, в Каширу, я попросил его дать мне время подумать до следующего утра, на что он не возражал.

Зная за собой много отрицательного в личной и бытовой жизни, я не считал достойным себя такого высокого доверия и долго думал о том, с кем бы об этом посоветоваться мне?

Вспомнил я из Священного Писания о том, что вместо предателя Иуды Искариотского Святые Апостолы избирали Апостола помолившись по жребию, и жребий пал на Матфия.

Так решил поступить и я, думая, что если будет угодно Господу моё назначение в Каширский храм, то по жребию это будет решено.

На следующее утро, никому ничего не говоря в своей семье, я взял два одинаковых кусочка чистой бумаги и написал на них по одному слову: «Москва» и «Кашира», и эти два слова должны были решить как Промысл Божий по жребию все мои сомнения.

Свернув эти два кусочка бумаги с таинственными словами для меня в две трубочки, я положил их в свою зимнюю шапку, поскольку это происходило в средних числах марта месяца 1952 года, я перекрестился и произнёс: «Господи, благослови», и предложил своему девятилетнему сыну Владимиру перекреститься и вытянуть из шапки одну трубочку. Он так и сделал, и когда я развернул вытянутую сыном трубочку, то увидел и прочёл таинственное слово «Кашира». По всему моему телу прошёл нервный холодок.

Никому не говоря в своей семье о том, что всё это значит, я решил ещё раз убедиться и таким же образом предложил проделать своей 18-ти-летней дочери Надежде и теще Еве, и когда и они, так же как и сын, вытянули жребий «Кашира», то больше уже нельзя было допускать никакого сомнения в этом Промысле Божиим, ибо из двух жребий «Кашира» трижды была вытянута для меня, куда и должен был я получить свое назначение по указанию свыше.

Я тут же обо всём рассказал своей семье, а затем доложил и владыке Макарию о том, что согласен о моём назначении в Каширу⁶⁾.

В скором времени я был перерукоположен в сан диакона, а 10/23 марта в сан священника. Когда же 11/24 марта я пошёл к уполномоченному Трушину за регистрацией о моём назначении в Каширу, то он был болен осложнением после гриппа.

Я долго ходил и не знал, что же мне делать? Ибо приближался праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который в 1952 году был в понедельник, и в Кашире служил старенький протоиерей Михаил Рождественский.

Я решил обратиться с пламенной молитвой к Святителю и Чудотворцу Алексию Московскому и целителю Святому и Великомученику Пантелеимону, для чего ездил в храмы: Богоявления в Елохово и Воскресения в Сокольники, где прикла-

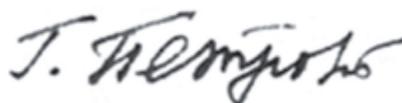
дывался к святым мощам и просил скорого выздоровления Трушина.

В тот же день с температурой приходил Трушин в свой кабинет, выдал мне регистрацию в Каширу, а сам ушёл домой и ещё болел две недели.

Таким образом по Промыслу Божию я стал настоятелем церкви Святых Мучеников Флора и Лавра в г. Кашире, где применил все свои силы и умение на восстановление святого храма, о чём свидетельствует в этой папке документов выписка из мемориальной доски проделанных мной хозяйственных работ, за которые, в конечном итоге, я был освобождён Трушиным, вопреки моего жребия с правом приискания места службы в другой епархии и с марта месяца 1959 года, после моего семилетнего служения у престола каширского храма, наступили для меня на старости лет тяжёлые переживания, гонения и испытания, тяжба с уполномоченным Трушиным, из-за чего я снова подвергся аресту, обыску и суду, пребывание сто дней в двух Московских тюрьмах: Матросская Тишина и на Красной Пресне, где в знак протеста против произвола Московской областной прокуратуры я объявлял строгую пятидневную голодовку, без воды и еды. Областным судом я был приговорён к двум годам лишения свободы, но по моей и двух адвокатов кассационных жалоб Верховный суд РСФСР освободил меня и дело прекратил, а Трушин не возвращает мою регистрацию.

Таким образом, за своё желание служить в храме даже по жребию, я опять испытал репрессию, и на моём счету у меня за спиной остались 12 тюрем, как я закончу своё земное странствование, об этом известно только Богу.

Перенёсший все испытания священник:

(Г. Петров)

СЕКРЕТАРЮ МОСКОВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОТОИЕРЕЮ О. ВИКТОРУ ИПОЛИТОВУ

Настоятеля Троицкой церкви с. Ваулова
Ленинского района Московской области
Священника Петрова Григория Степановича

ОБЪЯСНЕНИЕ

На Ваше письмо от 21-го октября 1964 года, даю ниже-
следующее подробное объяснение.

Будучи в заштате с марта месяца 1959-го года, я побывал
во многих епархиях с желанием служить на приходе, но там,
как только назову свою фамилию, то по ранее данному сигна-
лу Трушина, в приёме меня на службу отказывали, говоря: для
вас нет подходящего места, о чём имею на руках много таких
документов.

В октябре месяце 1959 года, я вторично обратился к Ря-
занскому Архиепископу НИКОЛАЮ всё с той же просьбой
принять меня в клир своей епархии.

На этот раз, Владыка Николай сочувственно отнёсся ко
мне и сказал: слышал я о Вас, что Вы энергичный и деятель-
ный человек и добросовестно заботились о вверенной Вам
Каширской церкви, но это сейчас не в моде и если желаете,
то я могу назначить Вас в далёкий сельский приход в село
Некрасовку, Ермишинского района, находящееся в семидеся-
ти километрах от железной дороги и о назначении Вас туда
не будет возражать и наш уполномоченный гр-н Ножкин, так
как этот приход уже давно бездействует, ибо молодые ба-
тюшки не желают забираться в такую далёкую глушь.

В этот самый момент и наш разговор с Владыкой, доложили ему о том, что с Некрасовки приехали члены двадцатки просить к себе на приход священника. Владыка велел войти им в его кабинет. Когда же они зашли и изложили ему свою просьбу, то Владыка указав им на меня своим перстом сказал: просите к себе вот этого батюшку, он сейчас безработный. Я спросил у тех людей: во имя кого Ваш храм? Они ответили мне, что во имя Святителя и Чудотворца Николая, а архиепископ Николай добавил, я ведь тоже Николай и мы оба просим Вас поехать туда.

По мне прошла дрожь, как электрический ток и я понял, что не смею отказаться от такого назначения и заявил: «Принимаю и ничесоже вопреки глаголю».

Владыка Николай, тут же в своём кабинете в присутствии прибывших из Некрасовки людей, взял наперсный крест, благословил меня им, сам надел на меня наперсный крест и сказал, что вот эта награда Ваша будет включена в список для представления к награде на имя Святейшего АЛЕКСИЯ, Патриарха Московского и Всея Руси к Святой Пасхе 1960 года.

Я поблагодарил Владыку за его отцовское отношение, получил Указ и регистрацию и направился к месту своего назначения, где пробыл всего две недели, исполняя требы пешком под проливным осенним холодным дождём, простудился и заболел двухсторонним воспалением лёгких и вынужден был возвратиться больной к своей семье в Москву, откуда в ценном пакете на имя Рязанского Владыки Николая послал обратно Указ и регистрацию, т. к. вторично заболеть там на далёком приходе, где нет медицинской помощи, члены моей семьи категорически протестовали.

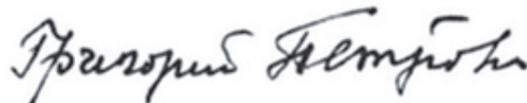
В день 9/21-го мая празднования Святителя и Чудотворца Николая я находился в алтаре Елоховского Богоявленского собора в 1960 году и когда подходил под благословение к Патриарху АЛЕКСИЮ, то вкратце рассказал ему о награждении меня наперсным крестом Архиепископом Рязанским Николаем. Наперсный крест я держал в своих руках.

Святейший Патриарх АЛЕКСИЙ, в присутствии множества духовенства, в том числе и покойного митрополита Николая, также благословил меня этим самым наперсным крестом и сам возложил его на меня.

Вот такова суть и истина о награждении меня наперсным крестом в 1959-1960 годах, и чтобы это событие подтвердить каким-то документом в то время, мне не до этого было находиться в заштате.

Не знаю я, помнят ли об этом сейчас два старца: Рязанский заштатный архиепископ НИКОЛАЙ и Святейший Патриарх Московский и Всея Руси АЛЕКСИЙ???. Но я лично утверждаю Вас, что это было именно так и готов перед крестом и Святым Евангелием принять присягу в подтверждение всего вышеизложенного мною.

Священник

/Г. Петров/

26/X-1964 года

1. Фамилия, имя, отчество	Петров Григорий Степанович.
2. Год, месяц, число и место рождения	1903г. 12/25 марта, Метеево Тульская губерния Бодруйского уезда Минской области
3. Национальность, гражданство. Социальное происхождение	Белорусе. Гражданин СССР. Рабочий.
4. Общее образование (когда и что окончил)	1915г. Окончил Тульскую церковно-приходскую школу 1919г. "Городские 4 ^е классные училище. 1923г. "Советскую школу" вступил.
5. Специальное образование (когда и что окончил). Какими иностранными языками владеет и в какой степени	В 1932 году окончил Московскую Богословскую Академию (Соборный институт) Свидетельство №138.
6. Должность	Кустактель Петропавловской церкви села Водыно Завольского р-на Моск. губер.
7. Семейное положение (когда и с кем повенчан)	Женат. В 1932 году повенчан с девицей Марией Петровной Пилецкой.
8. Кем и когда посвящен в священный сан	10/23 марта 1952 году Архиепископом Можайским Макарием.
9. Последние две награды (когда и кем награжден)	10/17-1968г. Патриаршей грамотой №596. 20/17-1970г. Митрополитом Пилецким Савоим Протоиереем №357.
10. Был ли судим церковным или гражданским судом и по какой статье	В 1935г. Московским Двором Вовчанским К.К.Р.В. по ст. 53 ^е на том же Будимитирован.
11. Когда и кем назначен на занимаемую должность	9/11-1964 года Митрополитом Крутицким и Коломенским Пилецким Григорием №189.
12. Был ли в обновленческом расколе; когда и кем именно принят в общение с Православной Церковью	С 1929 по 1932. Прессоединен 10/17-1946г. Архиепископом Можайским Макарием.
13. Особые обязанности по церковной службе	Не имел.
14. Домашний адрес	Москва М-404, Калужская улица дом №83 кв. 53.

Личная подпись:

Григорий Петров.

«МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА»

В 1952 году настоятелем храма о. Григорием ПЕТРОВЫМ с участием всех прихожан заново построена ограда вокруг храма.

Пристроено котельное помещение. Установлено водяное отопление внутри храма и куплен жилой дом.

В 1953 году заново сделана скрытая электропроводка внутри всего храма.

Бригадой Красильникова заново воспроизведена живопись внутри всего храма. Пристроена сторожка, заменены балки и перекрыты все полы на колокольне, заменены кресты на куполах, перекрыта новым железом крыша храма и окрашена. Побелены наружные стены храма. Окрашена церковная ограда. Заменены иконостасы в обоих приделах.

В 1954 году подведен водопровод в котельную храма и церковный дом. Окрашена крыша и наружные стены дома. Заново покрыты метлахской плиткой полы главного алтаря, солеи, паперти и три крыльца храма.

Заново написана запрестольная икона «ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО» в Крестовоздвиженском приделе. Заново написаны на железе для наружных стен покровители храма: Святые Апостолы Петр и Павел, Святые Мученики Флор и Лавр и Святые Равноапостольные Константин и Елена.

Сделан кирпичный колодец для поглощения воды после крещения младенцев.

Сделано шесть новых комплектов священнических облачений. Установлены в главном алтаре храма шесть штук ламп дневного освещения. Сделаны: стол, бочка и бочки с кранами для раздачи крещенской воды. Сделана металлическая разборная ограда для ограждения места раздачи воды. Установлена на солеи главного храма Флора и Лавра металлическая оградка. Сделан аналой с изображением Святых Апостолов и Евангелистов.

п. п.	Настоятель храма – священник		(Г. Петров)
	Заштатный протоиерей	–	(Рождественский)
	Староста храма	–	(Исаев В. В.)
	Казначей храма	–	(Савельев)

15 декабря 1954 г.

м. п. Верно:

Печать, принадлежавшая о. Григорию

ХАРАКТЕРИСТИКА

Дана заштатному священнику ПЕТРОВУ Григорию Степановичу в том, что он за время своего служения священником в Флоровской церкви гор. КАШИРЫ Московской области – с 4-го апреля 1952 года по 12 марта 1959 года – проявил себя исполнительным к своим служебным обязанностям, послушливым церковному начальству, трезвым, в семейном отношении примерным.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Петров Григорий Степанович.
(звание, фамилия, имя, отчество)

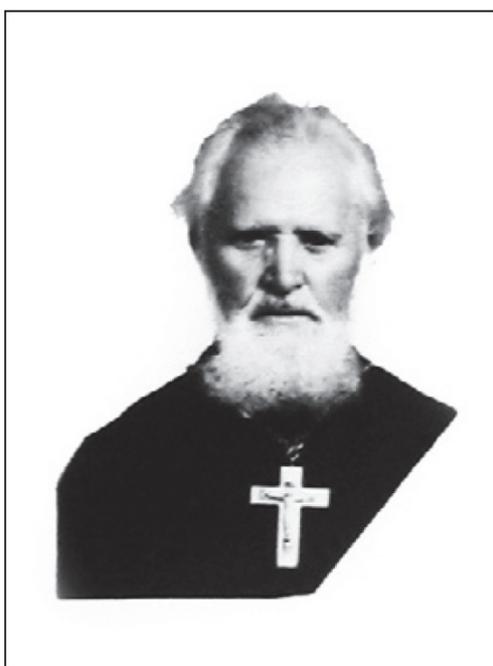
Троицкая церковь села Ваулова
(название и адрес церкви)

Чеховского района Московской области.

Настоятель Троицкой церкви села Ваулова, Чеховского района, протоиерей ПЕТРОВ Григорий. Добрый пастырь, любовно исполняющий свои обязанности. Истово служит и неопустительно говорит поучения. Заботится о храме Божием, о его благолепии и благоустройстве. Много потрудился в устройстве к храму асфальтированной дороги и изгороди вокруг храма. Имеет твёрдые нравственные устои. В семье мир и любовь. Пользуется любовью и глубоким уважением.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1) В августе 1914 года началась Первая мировая война. С 1916 по 1917 годы – с 13-летнего до 15-летнего возраста работал в военной шорной мастерской.

2) Речь идет о русско-турецкой войне 1828-29 годов, закончившейся подписанием мирного договора в Адрианополе на условиях России.

3) Лишенцы – так называли в те годы тех, чье происхождение или род занятий не были пролетарскими и, соответственно, таких людей переводили в разряд потенциальных «врагов народа», их арестовывали, отправляли в лагеря или расстреливали сотнями тысяч.

4) Настоятель Храма Христа Спасителя и ректор Духовной Академии.

5) В мае 1922 года по инициативе и при активном участии большевистского руководства группа православного духовенства, назвавшегося «живой церковью», попыталась устранить от церковного управления Патриарха Тихона, создав с этой целью «Высшее церковное управление» (ВЦУ).

В 1922-23-м годах в его подчинении находилось более половины российского епископата и приходов, но освобождение из-под ареста Патриарха Тихона летом 1923-го года вызвало массовое возвращение духовенства и мирян в патриаршую церковь, после чего обновленческие группы были официально распущены, а вместо ВЦУ образован Священный синод Православной Российской Церкви.

Просуществовал он чуть более десяти лет и самораспустился весной 1935-го года, а с началом большого террора массовые репрессии коснулись не только «тихоновцев», но и «обновленцев», чьи храмы также начали закрываться по всей стране. Наконец, в сентябре 1943-го года власти предпочли иметь дело с руководством «староцерковной ориентации» во главе с митрополитом Сергием (Страгородским) и оказали содействие в проведении собора епископов для избрания Патриарха. С этого времени начался новый массовый переход уцелевших обновленцев в патриаршую церковь, а со смертью в 1946 году «митрополита» Александра Введенского обновленчество окончательно прекратило своё существование как параллельная церковная структура.

Такова в двух словах история движения, никогда не пользовавшегося доверием церковного народа и не только потому, что оно было реформаторским (женатый епископат, второбрачие духовенства), но и – главным образом – из-за сотрудничества обновленцев с самого начала с ЧК/ГПУ/ОГПУ/НКВД, в чём на собственном горьком опыте убедился и священник Григорий Петров.

⁶⁾ Один из старейших русских городов (основан в 1356 году), расположенный в 90 километрах к югу от Москвы, Кашира стоит на берегу Оки. Как и во всех городах с многовековой историей, до советской власти здесь насчитывалось кроме двух монастырей множество церквей, из которых в 1950-е годы действовала лишь одна – во имя Святых Мучеников Флора и Лавра. Построена она была в 1766 году на деньги купца Ивана Калинина и с тех пор ни разу не закрывалась. Настоятелем и прослужил с марта 1952 по март 1959-х годов отец Григорий.

АРХИВНЫЕ
ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТ 1 (от 27.07.1952 г.)

Отчёт Уполномоченного по делам православной церкви
при Совете Министров СССР
по Москве и Московской области А. Трушина
на имя Председателя Совета по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР Карпова Г. Г.
за 2-й квартал 1952 года (№ 27/с от 27.07.1952 г.)

...С начала второго квартала прошлого года, о чём много уже сообщалось, очень резко стал активизироваться приход церкви гор. Каширы.

Активация этого прихода стала наблюдаться с прибытием в него нового священника, а именно: 3 апреля 1952 года настоятелем этой церкви был назначен священник ПЕТРОВ Г. С., 1903 года рождения, в прошлом из рабочей среды. С 1922 по 1932 служил псаломщиком и учился в обновленческой богословской академии, которую и окончил в 1932 году. С 1932 по 1935 годы работал на разных работах. В 1936 году был арестован по ст. 58 п. 10 и до 1939 года отбывал наказание на строительстве канала. С 1940 по 1943 годы работал начальником спасательной службы в гор. Коврове, Владимирской области. С 1943 по 1945 годы проходил военную службу в Военно-Морском флоте, с 1945 по 1948 годы опять работал начальником спасательной службы на канале им. Москвы. В 1949 году подвязался к церкви Иоанна-Воина в гор. Москве, где и работал старостой до 1951 года...

В 1951 г. с приходом священника Петрова посещаемость церкви с каждым днём стала резко возрастать, причём среди посещающих стала появляться и молодёжь.

Результатом увеличения интереса к церкви послужило то, что священник Петров в течение периода пребывания в известном приходе провёл и продолжает проводить большую работу, направленную на укрепление влияния церкви.

В первый день службы Петров выступил с проповедью, в которой призвал верующих усилить посещение церкви и обещал последним резко улучшить положение в приходе.

На второй день после окончания службы, по желанию верующих избрал церковный совет и ревизионную комиссию, перед которыми поставил вопрос о немедленном благоустройстве храма, и тут же в церковную кассу внёс пять тысяч личных денег на ремонт церкви.

После месяца службы от Петрова в райсовет, Мособлсовет и другие советские организации, минуя Уполномоченного Совета, пошли письма и заявления, в которых он просил разрешить ему провести в церкви паровое отопление, устроить водопровод и канализацию, отпустить паровой котел и другой строительный материал на ремонт церкви и строительство церковного дома и т.д. и т.п.

В церкви создал хор певчих, снизил стоимость церковных свечей, отменил таксу оплаты за исполнение религиозных треб и установил ежедневную службу.

За короткий период своего пребывания в данном приходе он несколько раз совершал молебны по приглашению и без приглашения верующих в черте города, в то время как до него здесь никем и никогда не практиковалось (*далее карандашом неразборчивая запись, смысл которой сводится к тому, что Петров радиофицировал церковь и вынес рупоры на улицу*)...

...За отчётный период в некоторых церквях города Москвы и области выявлены настоятели, которые направляют свою деятельность на активизацию церкви в разжигании суеверий среди верующих. За таких служителей патриархия очень держится и направляет их в «хорошие» приходы.

В отчётном полугодии при содействии благочинного Расторгуева удалось добиться от патриархии увольнения в заштат, например, таких лиц, как:

1) Архимандрита Сергия (Савельева) 1899 г. рожд., урож. гор. Москвы, образование н/высшее, в прошлом дважды судимого. Будучи настоятелем церкви села Богородское гор. Москвы, Савельев развил ненужную активность, направленную на укрепление церкви, окружил себя кликушами и среди верующих прослыл как «прозорливый».

2) Священника Ризоположенской церкви села Леоново гор. Москвы Масянина-Борецкого, 1894 г. рожд., образование среднее (в 1929 г. окончил Московский медицинский техникум) и с тех пор долгое время работал зубным техником в протезном институте гор. Москвы. В 1958 г., уйдя на пенсию по инвалидности, принял он сан диакона, а затем священника. Будучи священником, он свою «деятельность» направлял на активизацию церкви, вел индивидуальную работу среди верующих, направленную на разжигание суеверий, в проповедях допускал антисоветские измышления.

В настоящее время необходимо снять с регистрации священника церкви гор. Каширы Петрова, в прошлом дважды судимого⁷. За период своей службы в церкви гор. Каширы священник Петров неоднократно выступал с незаконными притязаниями, в церкви совершает «отчитывание порченных», путем подкупа привлекает в церковь молодежь. Несмотря на неодно-

---

⁷ по 58 статье за веру.

кратное предупреждение, продолжает обращаться от имени церкви в центральные органы власти с разного рода просьбами, склоняет некоторых лиц поступить в духовную семинарию и т. д.

Ввиду того, что священник Петров активно поддерживается архиепископом Макарием и другими лицами из патриархии, Совет подробно мною информирован спецсообщением (см. № И/12 от 9.П.1959 г.), где спрашивалось согласие Совета на снятие священника Петрова с регистрации...

ДОКУМЕНТ 2

(без точной даты, но не ранее марта 1959 года)

Председателю исполкома Каширского райсовета
тов. Конохову Д. Т.

Копия: Секретарю Каширского ГК КПСС
тов. Михалеву Л. И.

В порядке информации и принятия соответствующих мер сообщая:

Постановлением правительства от 22/VIII-1945 г. № 2137-546/с п. 4-м: церковным органам (патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам и монастырям) предоставлены ограниченные права юридического лица и разрешено приобретение транспортных средств, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей с разрешения Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР в республиках, краях и областях.

О настоящем постановлении известно всем ведомствам, в том числе – ГАИ, регистрирующей автотранспорт, и нотариальным конторам, оформляющим покупку и продажу строений.

Настоятель Флоровской церкви гор. Каширы священник Петров приобрел без нашего разрешения автомашины «Москвич» и «ЗИС-110», которые Каширское отделение ГАИ почему-то зарегистрировало на церковь.

В 1956 г. священник Петров обратился к нам за разрешением на покупку церковного дома, но так как у церкви уже один дом был, то ему в этом было отказано. В настоящее

время установлено, что строение по Некрасовскому пер., д. 13 в том же году всё-таки было куплено и оформлено в Ступинской патриархальной конторе. Позднее с разрешением горсовета оно было расширено (протокол № 14 от 22.V.1957 г.).

В прошлом году священник Петров, уже не обращаясь к нам вновь, купил часть третьего дома по Некрасовскому пер., д. 11 и оформил на церковь в Каширской нотариальной конторе.

18.XI.1958 г. Каширское отделение милиции (по просьбе священника Петрова) незаконно прописало диакона Джума Н. И. и его жену, прибывших из Ровненской области.

О незаконной прописке Джума мною информирован паспортный отдел УВД Мособлисполкома, который дал указание об аннулировании прописки Джума.

За незаконные действия священник Петров нами снят с регистрации (3 марта 1959 года).

Уполномоченный Совета
по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР
по гор. Москве и Московской области

(А. Трушин)

ДОКУМЕНТ 3 (от 24.08.1959 г.)

Доклад Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви по Московской области Трушина А. А.
/на Совете 24.VIII.1959 г./

За семь месяцев текущего года мною было сделано 33 выезда, что дало возможность посетить 15 районов и 5 городов областного подчинения, где побывал в 54-х церквях. Во время выездов на место, как правило, я бывал или в райсовете, или в райкоме партии. В некоторых населённых пунктах также бывал или в сельском Совете, или в парткоме сельской парторганизации. К одному из недостатков моей работы во время выезда на место следует отнести то, что я не составлял подробных справок о своём выезде, но это не значит, что мои выезды оставались совсем бесследно. Там, где удавалось выявить некоторые факты, они мною, как говорится, брались на карандаш и использовались в отчётной информации. В тех случаях, когда при выезде вскрывались факты, требующие немедленной информации, тогда это облекалось в виде докладных или спецсообщений...

Принимая посетителей: Хлапонину, Арадова и др., рассказавших о деятельности священника Петрова, также была составлена справка и приобщена к его анкете. В дальнейшем, накопление материала о деятельности священника Петрова дало возможность проинформировать Совет и другие инстанции, после чего Петров был снят с регистрации.

И так делается во всех случаях, когда через посетителей открываются те или другие факты, заслуживающие наше внимание...

АРХИВНЫЕ КОПИИ
ДОКУМЕНТОВ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Я нижеподписавшийся ПЕТРОВ Григорий Степанович, родился в бедной рабочей семье 12/25 марта 1903 года в местечке Глуске Бобруйского уезда Минской области в Белоруссии.

После окончания Глуской церковно-приходской школы, где я, с первого года обучения, уже начал петь в церковном хору и в течении четырёх лет с 1911-го по 1915 год под руководством опытного регента, состоял певцом от приходской школы Глуского БОГОЯВЛЕНЧЕСКОГО храма, а затем с 1916-го по 1917 год работал в Бобруйской военной шорной мастерской "СЕВЕРПОМОЩЬ".
С 1917-го по 1921-й год я учился и окончил Глуское 4-х классное городское училище, и снова продолжал петь в церковном хору Глуского Воскресенского храма.

С 1921-го по 1924 год я учился в Глуской школе Второй ступени, которую так-же успешно окричил, и мог поступить в любой институт, но по благословению бывшего моего законоучителя и настоятеля Глуской Богоявленской церкви протоиерея отца АЛЕКСИЯ СТАВРОВИЧА и по его ходатайству перед Бобруйским епископом ФИЛАРЕТОМ, я был назначен в феврале месяце 1925 года псаломщиком СРЕТЕНСКОЙ церкви села Зеленковичи Глуского района за семь месяцев до своего очередного призыва на действительную военную службу.

В Глуской Советской Школе Второй ступени, я проходил военную подготовку и был отличником по строевой службе и меткой стрельбе и в момент призыва я тянул жребий, который тогда применялся в Бобруйском призывном Военном округе в котором было указано число и день для прохождения медицинского осмотра и зачисления в воинскую часть.

Вытянув такой жребий и убедившись в том, что моя очередь для медосмотра была только через три недели, то я решил уйти домой в Глуск.

После моего ухода, кто-то заявил приёмной комиссии о том, что я псаломщик - служитель религиозного культа. Через три дня, меня вызвали в Глуский Райвоенкомат и убедившись с моих слов в том, что я действительно состою псаломщиком при церкви села Зеленковичи, отняли у меня ранее вытянутый мной жребий и сказали мне: идите домой, а когда нужно будет, мы сообщим вам когда нужно будет явиться на комиссию в Бобруйск.

Я ушёл домой и более месяца ожидал сообщения о том, когда должен был пройти медосмотр. Когда -же наконец, мне об этом сказали, то на следующий день я прибыл в Бобруйский призывной округ, где было всего шесть человек допризывников: два торговца, два сына священника, один из зажиточной семьи, и шестой псаломщик и я седьмой.

Нам всем было предложено раздеться до гола и с своими вещами следовать в приёмную комнату. Разделся и я. На мне был нательный крестик и допризывники заметив его с удивлением спросили меня: "ты так и пойдёшь?" не будешь снимать?" Снимать крест не буду, так и пойду, я ХРИСТИАНИНЪ!!

Когда-же мы все семь человек вошли в приёмную комнату и там положили в указанное место свои одежды, а затем в порядке очереди подходили к столу председателя приёмной военной комиссии Бобруйского округа и передавали ему свои допризывные свидетельства, то он заметив на мне нательный крестик и посмотрев в моё допризывное свидетельство, где в графе "образование" было указано "среднее" то председатель сказал: "и для вас мало этого образования что-бы развеять туман?" Какой туман? Спросил я. А вот, что вы веруете, сказал он указав на мой крестик. Да! я Верую во Единого Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли, видимым же Всем и невидимым. И во единого Господа ИИСУСА ХРИСТА, сына Божию, едиnorodного, иже от отца рожденного прежде всех век:" и готов был до конца прочитать "Смвол веры", но меня остановили и начали укорять: - это вы мол делаете всё с целью, чтобы не служить в красной армии.

Я тут-же ответил им, напрасно Вы так думаете, ведь наука и искусство идёт всегда вперёд, а религия на своём месте всегда и к чему нельзя подойти знанием, то в свои права вступает вера. Я не уклоняюсь от службы в Советской армии и с своей стороны ничего не измышляю и с большим желанием готов служить в рядах военно-морского флота. Около меня уже стоял врач-еврей и он громко ответил: " только не по духу" и начал выслушивать у меня биение сердца и действие лёгких -вдох и выдох, а трубка в его руке, нервно пригала, не равнодушен он был к крестик у моей груди.

Затем было предложено мне подойти к другому врачу, уже русскому чело веку, который внимательно и спокойно выслушал меня, дружески и тепло положил свою руку на моё плечё и так душевно произнёс: "чтож дорогой, у нас такие как вы служат в морском флоте", а всё тот-же врач-еврей повторил: " только не по духу", то есть потому, что я оказался верующим.

Потом мне было задано ещё несколько вопросов, в том числе и о моём происхождении и я ответил комиссии, что мой покойный дедушка со стороны моего отца, был еврей. При Николае Первом, он отслужил в армии 27 лет и был участником в боях с турками и достиг Константинополя. Властями того времени было заключено перемирие. Мой покойный дедушка, после ожесточённых рукопашных боёв с турками, неимел на себе ни одной раны и узрел он в этом, ни что иное, как чудо, ибо после боя в его полку осталось всего семь человек, в том числе и мой покойный дедушка и по этому он решил принять Христианство и крестился он в городе Константинополе, а крестным его отцом изъявил желание быть сам полковник Тифлиского гренадерского полка ПЕТРОВ-КАРНИЛОВИЧ, который и передал моему дедушке свою фамилию: ПЕТРОВ-КАРНИЛОВИЧ вместо бывшей еврейской, а имя при крещении дано было дедушке "КОНСТАНТИН".

За боевые заслуги, дедушка был награждён семью орденами высшей степени того времени и был демобилизован по возрасту.

Он был родом из города Слуцка, где он за время своей долголетней службы в царской армии, никогда небыл в отпуске.

Железной дороги тогда ещё небыло, и дедушка более года возвращался пешком из Константинополя на свою родину. Дошёл он до местечка Глуска и на 54-м году своей жизни, женился на вдове Матроне Погурной, и был отцом троих детей, в том числе и мой отец Стефан. За свои ордена дедушка получал такую пенсию-награду каждый год, что её вполне хватало на содержание всей своей семьи и умер он в глубокой старости.

Обовсём этом, мне рассказала покойная моя мама ещё в детстве, а когда я уже стал взрослым, то решил обратиться в Глуский ЗАГС, где хранились бывшие записи церковных книг: "О Браке, Рождении и Смерти", и вот я нашёл такую запись: "Безсрочно отпущенный рядовой Тифлиского гренадерского полка Константин Петров, он-же Карнилович, вступил в законный брак с вдовой Матроной Погурной". Вот об этом я и доложил призывной комиссии.

Военной призывной комиссией я был признан годным для несения службы в военно-морском флоте, но зачислен в запас тыловых ополченцев.

Там-же наруки, вместо военного билета, мне было выдано удостоверение в котором на видном месте было напечатано большими буквами: **ЛИШЕН ПРАВА ЗАЩИТЫ СССР С ОРУЖИЕМ В РУКАХ**". Такие-же удостоверения были выданы остальным шести допризывникам, и нас отпустили по домам.

Таким образом, из-за службы в храме псаломщиком, я был лищён гражданских прав, стал лишенцем, что не понятно современному молодому духовенству и продолжал служить в церкви до поступления в единственную в то время в Советском Союзе Московскую Богословскую Духовную Академию - /обновленческую/.

Других духовных школ тогда небыло, а я желал получить Богословское образование, ибо другие институты для меня как лишенца, были недоступны. Бывший законоучитель протоиерей Алексей Ставрович, проважая меня в Москву напутствовал так: "Григорий Степанович, знаю что Вы уезжаете в обновленческую Академию, которая нарушает канонические правила Русской православной церкви, но вы всё испытывайте, а хорошего держитесь, ведь и Апостол Павел учился у Гамалиила и готовился быть членом Иерусалимского Синода, а Господь призвал его на апостольское служение и обращение язычников в Христианство, поезжайте, молитесь, учитесь и Господь призовет и Вас для служения православной Христовой церкви". Я от души поблагодарил своего законоучителя и в дальнейшем его совет выполнил, так как по окончании Духовной Академии я не пошёл на приход с указом обновленческого Синода, а выждал время, когда обновленческий раскол был упразднён, что своей подписью и свидетельствую.

Т. Петров / Г. ПЕТРОВ. /

В т о р а я И С Т О Р И Ч Е С К А Я С П Р А В К А.

Когда я ПЕТРОВ Григорий Степанович в сентябре месяце 1929 года по извещению канцелярии Московской Богословской Духовной Академии о том что я принят и зачислен студентом на первый курс духовной академии прибыл из Белоруссии в Москву, то на извозчике от Белорусского вокзала я должен был заехать в Троицкое подворье, в Троицкий переулочек около Само-тёки и доложить в канцелярии Академии о своём прибытии.

Там мне дали записку старосте студенческого общежития, находивше-гося на колокольне храма св. св. Первоверховных Апостолов ПЕТРА и ПАВЛА на Ново-Басманной улице дом № 11 кв. 3.

На том-же извозчике, старик с большой седой бородой, который не очень поторапливал свою лошадку и к стати оказался весьма словоохотлив, по пути от Белорусского вокзала, он как экскурсовод, пояснял мне досто-примечательности Москвы, за что и по сие, я благодарен ему, так как всё, о чём он рассказал мне, свято осталось в моей памяти, я доехал до студен-ческого общежития- храма Петра и Павла и уплатив по договорённости ста-рику три рубля, я поднялся по чугунной лестнице в общежитие и когда по-дал записку старосте из канцелярии в которой говорилось, чтобы я был про-писан по этому общежитию как студент Академии и обеспечен местом отдыха.

Прочитав записку, староста священник Александр Ольховик, указал мне место-пустой угол. А где-же кровать и тумбочка, спросил я его? Он мне ответил, если у Вас есть деньги, то на Сухаревском рынке, вы всё это смо-жете купить и кроме этого сказал, что студенты Духовной Академии не полу-чают продовольственные карточки, ни стипендию и не прикреплены к столо-вой, кто как может, тот так и устраивается.

Такое откровение старосты, меня крайне огорчило и поскольку для меня, как лишённого гражданских прав другого выхода и выбора в таком по-ложении небыло, я и решил остаться.

На следующий день, я был прописан 37 о/милиции, находившаяся в то время на Ново-Басманной улице, которое выдало мне удостоверение, формата трудовой книжки, так как тогда небыли ещё введены паспорта и в графе "Род занятия" было написано красивым подчерком: "Студент Московской Богословской Духовной Академии."

В скором времени в сопровождении студентов второкурсников, я сходил на Сухаревский рынок и купил там себе складную железную поддержанную кровать без матраса за семь рублей.

Во-время учебного 29-30-го года, я посещал принадлежащий тогда об-новленцам храм ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ и был рукоположен в нём митрополитом Александром Введенским в сан диакона и без всякого содержания, как сту-дент по воскресным и праздничным дням служил третьим диаконом до само-го закрытия храма ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, а летом 1931-го года, он был взорван.

Сейчас на том самом месте, атеисты устроили бассейн, так как что либо

другое в течении тридцати лет не могли построить, всё проваливалось и безвозвратно исчезало из-за тинистого места с их слов, а вот храм ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ строился 44 года, имел высоту внутри храма 100 метров в чистоте и вмещал 10.000 человек из расчёта $3/4$ аршина квадратной площади на каждого человека. Это был действительно чудесный памятник построенный в честь освобождения Москвы и России от полчищ Наполеоновских войск 1912 года, как манумент народной славы и величия РОССИИ.

Весной 1931-го года, после окончания учебного года, я поступил работать на должность матроса пассажирского катера Московского речного пригородного пароходства.

В духовной школе занятия были с 18 до 23 часов и это давало мне возможность работать днём, а в зиму 1931-32-го учебного года окончить курсы рулевых моторыстов при комбинате "Красный Водник" на Ордынке в Москве, а затем расти по службе речного транспорта.

По окончании Духовной Академии в 1932 году, я не приступил к службе в храме по двум причинам: во-первых, слишком открыто и настойчиво велась травля и нападки со стороны руководителей обновленческого толка на так называемую Тихоновскую церковь, т.е. на основную каноническую Русскую православную церковь, а во-вторых, слишком были усилены аресты духовенства обоих толков и по этим двум причинам я и продолжал работать в пригородном пароходстве. Женился я на своей землячке девице Марии Петровне ЛИСИЦИНОЙ и весной в 1935 году, я уже вырос по должности начальника пристани Нагатино, получил комнату размером 14 кв.м. в доме № 10 кв. 12, МССЗ

Что написано на роду, того не обойдёшь и не объедешь. В ночь с 20-на 21-е июля 1935 года, я был арестован на служебном посту и за сорок суток побывал в двух Московских тюрьмах: на Лубянке и в Бутырках.

Заочно особым совещанием тройки НКВД по ст. 58-10, я был осуждён к трём годам лишения свободы с отбыванием в ИТК. Беломорско-Балтийского Канала за то, что случайно попавшая мне книга "Протоколы Сионских Мудрецов", была передана мной митрополиту Введенскому, с просьбой пояснить мне непонятные изречения, а он вместо пояснения, не возвратил мне эту книгу, а донёс на меня в Г.П.У. яко-бы я занимаюсь контрреволюционной провакацией, что конечно было полнейшим абсурдом.

При аресте и обыске на квартире в Москве в 1935 году, у меня были изъяты и уничтожены все документы об пребывании и окончании мной Духовной Академии.

Будучи в заключении, я послал Введенскому письмо укаризованного содержания, за его предательство студентов Духовной Академии, которые были арестованы и осуждены так-же как и я за трёхлетнее моё пребывание в обшечитии и фамилии их мне напомнил следователь Баскаков в Бутырской тюрьме после того, как он допросил меня и я ничего не утаил о возникшей книге из-за которой я оказался преступником в глазах Г.П.У.

По окончании трёхлетнего моего заключения, я не был освобождён потому что за то письмо, укаризненного содержания, которое было послано мной в Москву Введенскому, без всякого допроса и следствия в лагере Уч.П.П. мне было предъявлено постановление Особого Совещания Тройки НКВД о том, что как С.О.Э. я осуждён к пяти годам в ссылку в восточный Казакстан.

Я пытался возражать такому произволу и отказывался от росписи в том что мне объявлено такое постановление.

Когда же я об этом рассказал заключённым находившихся со мной в одном бараке, а среди их было очень много высокообразованных и военных людей, то выслушав меня они сказали: "Вы уже знаете что такое север и Карелия, а сейчас может быть вас на юг увезут". Эту шутку я принял за истину и на другой день подписал свой приговор и в тот-же день меня взяли в лагере под конвой.

После двухмесячного моего этапирования из Севера на Восток в столыпинских вагонах в пути следования, я побывал в нижеследующих пересыльных тюрьмах: 1. Уч.П.П., 2. Медвежья Гора, 3. Ленинград-кресты, 4. Свердловск 5. Челябинск, 6. Новосибирск, 7. Семипалатинск и 8. Алма-Ата.

В пути следования, сопровождавший нас конвой, вызывал по одному с вещами на коридор в конце вагона, заставлял раздеваться до гола и выложить на пол все свои вещи и что понравится конвою, они говорят: "это вам не положено иметь, отнимали и отбрасывали для себя в сторону. Дошла очередь и до меня. Я всё время читал тихонько, про себя, молитву Господню: "ОТЧЕ НАШЕ" и когда подходил с чемоданом в руках к сидящим на полу трём конвоирам, они приподнялись, вытянулись не спуская глаз своих с меня затем сказали: "иди капитан обратно". Без всяких знаков отличия на мне была морская форма одежды, как спецовка Беломорско-Балтийского Канала, где на пристани Сегежа, в 1936 году всю навигацию я работал диспетчером будучи заключённым и от меня не отняли её при отъезде в ссылку. Услышав такую команду конвоя, я повернулся и пошёл обратно за решётку в своё купе, и всех удивило моё скорое возвращение. Я ответил, что не понравился конвою, потому и отправили они меня обратно, а сам всё время продолжал читать молитву и в душе благодарил Господа за его такое заступление чужих ЕГО

По прибытию к месту ссылки в город Устькаменогорск, в марте месяце 1939 года, я уже был освобождён со снятием судимости и всеми ограничениями, но тогда я не был ещё полностью реабилитирован и поэтому не мог возвратиться на прежнюю работу в речной транспорт, согласно Устава речного транспорта того времени.

Освободившись, я поступил на работу там-же в Устькаменогорске в штат "ИРТЫШГЭССТРОЙ" на должность диспетчера, но бывшая местность ссылки не могла быть для меня местом жительства и труда, где зимой 60 градусов мороз с ветром, а летом столько-же жары. Я отработал положенное время до отпуска и уехал. Дальнейшая моя трудовая деятельность вся отражена в моей трудовой книжке.

По возвращению из ссылки к семье в Москву, мне было отказано в прописке и был вынужден искать себе новое место жительства. Для этой цели я уехал к своей родной сестре в г. Владимир на Клязьме и поступил на работу начальником Владимирской водалазно-спасательной станции. Эта работа мне весьма понравилась, так как рискуя собой, спасает других тонущих злых и добрых, трезвых и пьяных людей.

Только за одно лето 1940-го года я не допустил ни одного несчастного случая со смертельным исходом на воде и выполнил всё и перевыполнил по плану всю профилактическую работу, за что станция получила с Волги переходящее красное знамя с денежным вознаграждением.

В марте месяце 1941-го года я был переведён в г. Ковров на ликвидацию всех отрицательных работ Ковровского Райосвода. Тот же метод и опыт я применил и в Коврове, где меня застигла Великая Отечественная война и по ходатайству Ковровских властей из Центрального Комитета Обороны в персональном порядке для меня была получена бронь до конца войны. При подведении итогов Областным Руководством было установлено, что Ковров под моим руководством вышел на первое место и уже переходящее Красное знамя с г. Владимира, было передано в Ковров с денежным вознаграждением.

В сентябре месяце 1943-го года я отказался от брони и просил Ковровский военкомат направить меня на фронт. Владимирской Военной комиссией я был признан годным для выполнения подводных работ по подъёму со дна моря затонувших военных кораблей. С этой целью я был направлен в Московский Флотский полуэкипаж находившийся на территории санатория "Лебедь" где другая отборная комиссия зачислила меня в команду "22" "НИМИСТА"-Научно Испытательного Морского Института Связи и Телемеханики Военно-морского флота по улавливанию подводных звуков на подобие локации, где я был содержанием этой команды со званием старшины первой статьи ВМФ, в которой прослужил до конца войны.

В январе месяце 1945 года в Москве происходил поместный Собор, на котором и был избран патриарх Московский и Всея Руси АЛЕКИЙ.

Я мечтал о том, что по демобилизации получу от Введенского дубликат документа об окончании мной духовной Академии, что и осуществил лишь летом в 1946 году, т.е. получил удостоверение об окончании мной духовной академии, но продолжал работать на гражданской работе до тех пор, пока Господь, после всех безвинно пережитых мной мытарств, призвал меня для служения уже в храме Божиим.

Таким образом, лишь за то, что я имел стремление познать ИСТИНУ-получить духовное образование, по вине ректора Духовной Академии митрополита Александра Введенского, умершего в 1946 году, я побывал в десяти тюрьмах и Слава Богу за всё. Бывший узник:

Г. Петров / Г. ПЕТРОВ. /

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Демобилизовавшись по окончании войны по возрасту осенью 1945 года мне нужно было работать на гражданской службе лишь потому, чтобы судом выселить из той комнаты, в которой я проживал до войны и своего ареста, так как после эвакуации моей жены с дочерью из Москвы осенью 1941 года, нашу комнату 14 кв.м. нахальным образом занял некий Каменский, который служил в польских войсках, где-то нагребил отрезков шерсти и пораздавал работникам коммунального хозяйства и те в свою очередь дали ему такую справку, что он до войны проживал и был призван в армию с этой нашей площади.

Я же сумел восстановить как свою, так и всей семьи прописку по этой комнате благодаря тому, что у моей жены сохранился паспорт выданный Московской-Нагатинской милицией ещё до войны и вот на протяжении девяти месяцев нам пришлось таскаться по судам и наконец добиться того, что Каминский немедленно был выселен из нашей комнаты.

В скором времени мне было предложено возглавить на Москва-реке спасательную станцию Кожухово и это предложение я принял. На спасательной станции, с момента её существования не было электрического освещения и телефона.

По своей привычке, преодолевать трудности, эти две необходимости были успешно разрешены и не истратив осигнованных на такое мероприятие 20.000 рублей без всяких затрат, на спас-станции появилось электричество и телефон, за что и был я премирован Московским парашутным из фонда особоотличившихся.

На этой спасательной станции я заболел пояснично-крестцовым радикулитом. Долго лечился в поликлинике водников и наконец по заключению втэковской комиссии и по путёвке я был направлен на грязе-лечение на курорт "Саки", где и пробыл в течении декабря месяца 1947 года и принял двенадцать общегрязевых ван. Радикулит вылечил, а сердце разрушил и при очередном медосмотре в Москве, врачи обнаружили нарушение сердечной деятельности, отметили в личной моей лечебной карточке и сообщили моему руководству о том, что с таким нарушением сердечной деятельности в результате сильного перегрева из-за грязевых ван принятых мной, я не допускаюсь до работы по спасанию людей на воде, и меня от работы освободили с выдачей двухнедельным выходным пособием.

Оказавшись без работы, я пытался поступить на другую гражданскую работу, но мне нигде больше не нравилось.

В 1946 году, я решил навестить митрополита Александра Введенского для того, чтобы получить от него документ об окончании духовной академии

Когда я получил на руки такое удостоверение, я решил напомнить ему о его деятельности и назвал фамилии всех тех студентов, которые из-за него были арестованы, в том числе и я. Он молча слушал, а голова его скло-

нялась всё ниже и ниже. Наконец я сказал ему: загляните в свою совесть пусть она сама осудит Вас и ушёл.

После моего такого обличения, как я потом узнал, он будучи уже больным инфекционным двухсторонним воспалением лёгких, ни с кем не разговаривал, лёг в постель и на следующее утро скончался, и таким образом на моём удостоверении была собственно-ручно учинена им и осталась его последняя подпись.

По этому удостоверению я был воссоединён из обновленческого раскола с православной церковью и начал посещать в приёмные дни Московское духовенство для того, что-бы определиться на службу в храм Господен.

Знакомых у меня небыло, но тем ни менее я был принят сначала на должность помощника старосты, а затем был назначен и старостой того-же храма св. мученика Иоанна Воина, что на Якиманке в Москве, что дало мне после длительного перерыва восстановить в своей памяти порядок Богослужения и все обряды-требы совершаемые по Христианскому обычаю.

В этом храме я и пробыл четыре года и естественно, во мне ожило прежнее желание, быть служителем св. алтаря и по этому вопросу я обратился с просьбой к покойному архиепископу Макарию Можайскому, викарию Московской епархии и просил его определить меня на вакантное место службы - диакона, чтобы не уезжать далеко от Москвы, т.к. двое моих детей Надежда и Владимир были школьного возраста.

Вместо этого он предложил мне настоятельское место в г. Каширу - самостоятельную службу на большом приходе и не спокойном.

Поскольку я не ожидал от него такого предложения итти в настоятели и причём в Каширу, я попросил его дать мне время подумать до следующего утра, на что он не возражал.

Зная за собой много отрицательного в личной и бытовой жизни, я не считал достойным себя такого высокого доверия и долго думал о том, с кем бы об этом посоветываться мне?

Вспомнил я из священного писания о том, что вместо предателя Иуды Искариотского святые апостолы избирали апостола помолившись по жребию и жребий пал на МАТВИЯ.

Так решил поступить и я дума, что если будет угодно Господу моё назначение в Каширский храм, то по жребию это будет решено.

На следующее утро никому ничего не говоря в своей семье, я взял два одинаковых кусочка чистой бумаги и написал на них по одному слову: "Москва" и "Кашира" и эти два слова/должны были решить как промысл Божи по жребию все мои сомнения.

Свернув эти два кусочка бумаги с таинственными словами для меня в две трубочки, я положил их в свою зимнюю шапку, поскольку это происходило в средних числах марта месяца 1952 года, я перекрестился и произнёс: "Господи Благослови" и предложил своему девятилетнему сыну Владимиру

перекреститься и вытянуть из шапки одну трубочку. Он так и сделал и когда я развернул вытянутую сыном трубочку, то увидел и прочёл таинственное слово "Кашира". По всему моему телу прошёл нервный холодок.

Ни кому не говоря в своей семье о том, что всё это значит, я решил ещё убеждаться и таким-же образом предложил проделать своей 18-ти летней дочери Надежде и теще Еве и когда и они так-же, как и сын вытянули жребии "Кашира", то больше уже нельзя было допускать никакого сомнения в этом промысле Божиим, ибо из двух жребий "Кашира" трижды была вытянута для меня куда и должен был я получить своё назначение по указанию с ВШЕ.

Я тут же обо всём рассказал своей семье, а затем доложил и владыке Макарию о том, что согласен о моём назначении в Каширу.

В скором времени я был перерукоположен в сан диакона, а 10-23 марта в сан священника. Когда-же 11-24 марта я пошёл к уполномоченному Трушину за регистрацией о моём назначении в Каширу, то он был болен ослаблением после гриппа.

Я долго ходил и не знал, что-же мне делать? Ибо приближался праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который в 1952 году был ^в понедельник и в Кашире служил старенький протоиерей Михаил Рождественский.

Я решил обратиться с пламенной молитвой к святителю и чудотворцу Московскому Алексию и целителю святому и великомученику ПАНТЕЛЕИМОНУ, для чего ездил в храмы: в Богоявление в Блохово и Воскресения в Сокольники, где прикладывался к святым мощам и просил скорого выздоровления Трушина.

В тот-же день с температурой приходил Трушин в свой кабинет, выдал мне регистрацию в Каширу, а сам ушёл домой и ещё болел две недели.

Таким образом по промыслу Божию я стал настоятелем церкви св. св. муч ФЛОРА и ЛАВРА в г. Кашире, где применил все свои силы и умение на восстановление святого храма, о чём свидетельствует в этой папке документов выписка из мемориальной доски проделанных мной хозяйственных работ за которые в конечном итоге я был освобождён Трушиным, вопреки моего жребия с правом приискания места службы в другой епархии и с марта месяца 1959 года, после моего семилетнего служения у престола Каширского храма, наступили для меня на старости лет, тяжёлые переживания, гонения и испытания, тяжба с уполномоченным Трушиным, из-за чего я снова подвергался аресту, обыску и суду, пребывание сто дней в двух Московских тюрьмах: Матроская тишина и на Красной Пресне, где в знак протеста против произвола Московской областной прокуратуры я объявлял строгую пятидневную голодовку, без воды и еды. Областным Судом я был приговорён к двум годам лишения свободы, но по моей и двух адвокатов кассационных жалоб Верховный Суд РСФСР освободил меня и дело прекратил, а Трушин не возвращает мою регистрацию.

Таким образом, за своё желание служить в храме даже по жребию, я опять испытал репрессию и на моём счету у меня за спиной остались 12 тюрем, как я закончу своё земное странствование, об этом известно только БОГУ.

Перенёсший все испытания священник: *Г. Петров* / Г. ПЕТРОВ /.

СЕКРЕТАРЮ МОСКОВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОТОИЕРЕЮ О.ВИКТОРУ И П О Л И Т О В У.

Настоятеля Троицкой церкви с.Ваулова
Ленинского района Московской области
Священника ПЕТРОВА Григория Степановича.

О Б Ъ Я С Н Е Н И Е.

На Ваше письмо от 21-го октября 1964 года, даю нижеследующее подробное объяснение:.

Будучи в заштате с марта месяца 1959-го года, я побывал во-многих епархиях с желанием служить на приходе, но там, как только назову свою фамилию, то по раннее данному сигналу Трушина, в приёме меня на службу отказывали говоря: для вас нет подходящего места, о чём имею на руках много таких документов.

В октябре месяце 1959 года, я вторично обратился к Рязанскому Архиепископу НИКОЛАЮ всё с той-же просьбой принять меня в клир своей епархии.

На этот раз, Владыко Николай сочувственно отнёсся к комне и сказал слышал я о Вас, что Вы энергичный и деятельный человек и добросовестно заботились о вверенной Вам Каширской церкви, но это сейчас не в моде и если желаете, то я могу назначить Вас в далёкий сельский приход в село Некрасовку, Ермишинского района, находящееся в семидесяти километрах от железной дороги и о назначении Вас туда не будет возражать и наш уполномоченный гр-н Ножкин, так как этот приход уже давно бездействует, ибо молодые батюшки не желают забираться в такую далёкую глушь.

В этот самый момент и наш разговор с Владыкой, доложили ему о том что с Некрасовки приехали члены двадцатки просить к себе на приход священника. Владыко велел войти им в его кабинет. Когда же они зашли и изложили ему свою просьбу, то Владыко указав им на меня своим перстом сказал: просите к себе вот этого батюшку, он сейчас безработный. Я спросил у тех людей, во-имя кого Ваш храм? Они ответили мне, что во-имя Святителя и Чудотворца Николая, а архиепископ Николай добавил, я ведь тоже Николай и мы оба просим Вас поехать туда.

По мне прошла дрожь, как электрический ток и я понял, что не смею отказаться от такого назначения и заявил: "Примлю и ничесо-же вопреки глаголю."

Владыко Николай, тут-же в своём кабинете в присутствии прибывших из Некрасовки людей, взял наперстный крест, благословил меня им и сам Шадел на меня наперстный крест сказал, что вот эта награда Ваша будет включена в список для предствления к награде на имя святейшего АЛЕКСИЯ, Патриарха Московского и Всея Руси к святой пасхе 1960 года.

Я поблагодарил Владыку за его отцовское отношение, получил Указ и регистрацию и направился к месту своего назначения, где пробыл - всего две недели исполняя требы пешком под проливным, осенним холодным дождём, простудился и заболел двухсторонним воспалением лёгких и вынужден был возвратится больной к своей семье в Москву, откуда в ценном пакете на имя Рязанского Владыки Николая послал обратно Указ и регистрацию т.к. вторично заболеть там на далёком приходе, где нет медицинской помощи, члены моей семьи категорически протестовали.

В день 9-21-го мая празднования Святителя и Чудотворца НИКОЛАЯ я находился в алтаре Елоховского БОГОЯВЛЕНСКОГО собора в 1960 году и когда подходил под благословение к Патриарху АЛЕКСИЮ, то в кратце рассказал ему о награждении меня наперстным крестом Архиепископом Рязанским Николаем. Наперстный крест я держал в своих руках.

Святейший Патриарх Алексей, в присутствии множества духовенства, в том числе и покойного митрополита Николая, так-же благословил меня этим самым наперстным крестом и сам возложил его на меня.

Вот такова суть и истина о награждении меня наперстным крестом в 1959-1960 годах и чтобы это событие подтвердить каким-то документом в то время, мне ни до этого было находясь в заштате.

Не знаю я, помнят ли об этом сейчас два старца: Рязанский заштатный архиепископ Николай и Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей??? Но я лично утверждаю Вас, что это было именно так и готов перед крестом и Святым Евангелием принять присягу в подтверждение всего вышеизложенного мной.

Священник

Григорий Петров

/Г.ПЕТРОВ./

26/X-1964 года.

1. Фамилия, имя, отчество	Петров Григорий Степанович.
2. Год, месяц, число и место рождения	1903г. 12/25 Март, Мстеско Гук Бодруйского уезда Минской области.
3. Национальность, гражданство. Социальное происхождение	Белорусе. Гражданин СССР. Рабочий.
4. Общее образование (когда и что окончил)	1915г. Окончил Гукскую церковно-приходскую школу 1919г. " Гомельские 4 ^е классные училище. 1923г. " Советскую школу 7 ^е ступени.
5. Специальное образование (когда и что окончил). Какими иностранными языками владеет и в какой степени	В 1932 году окончил Московскую Бого- словскую духовную Академию (обладала) Свидетельство №138.
6. Должность	Калтоятель Гукской церкви села Водута Гомельской р-на Могил. обл.
7. Семейное положение (когда и с кем повенчан)	Женат. В 1932 году повенчан с девицей Марией Петровской Миллициной.
8. Кем и когда посвящен в священ- ный сан	10/23 Март 1952 году Архиепископом Могилевским Макарием.
9. Последние две награды (когда и кем награжден)	10/15-1968г. Патриаршей грамотой №596. 20/11-1970г. Митрополитом Минским Саном Протоиерея №357.
10. Был ли судим церковным или гражданским судом и по какой статье	В 1935г. Московским Особым совеща- нием НКВД по ст. 58 ^е на том же Белобитимован.
11. Когда и кем назначен на занима- емую должность	9/11-1964года Митрополитом Крути- цким и Коломенским Минским Указом №189.
12. Был ли в обновленческом раско- ле; когда и кем именно принят в общение с Православной Цер- ковью	С 1926 по 1932. Прессоединен 10/11-1946года Архиепископом Могилевским Макарием.
13. Особые обязанности по церковной службе	Не имел.
14. Домашний адрес	Москва М-407, Калужская Улица дом №83 кв. 53.

Личная подпись:

Григорий Петров.

"МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА"

В 1952 году настоятелем храма о. Григорием ПЕТРОВЫМ с участием всех прихожан заново построена ограда вокруг храма.

Пристроено котельное помещение. Установлено водяное отопление внутри храма и куплен жилой дом.

В 1953 году заново сделана скрытая электропроводка внутри всего храма.

Бригадой КРАСИЛЬНИКОВА заново воспроизведена живопись внутри всего храма. Пристроена сторожка, заменены балки и перекрыты все полы на колокольне, заменены кресты на куполах, перекрыта новым железом крыша храма и окрашена. Побелены наружные стены храма. Окрашена церковная ограда. Заменены иконостасы в обоих приделах.

В 1954 году подведен водопровод в котельную храма и церковный дом. Окрашена крыша и наружные стены дома. Заново покрыты метлахской плиткой полы главного алтаря, солеи, паперти и три крыльца храма.

Заново написана запрестольная икона "ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО" в крестовоздвиженском приделе. Заново написаны на железе для наружных стен покровители храма: св. ап. Петр и Павел, св. муч. Флор и Лавр и св. рав. ап. Константин и Елена.

Сделан кирпичный колодец для погашения воды после крещения младенцев.

Сделано шесть новых комплектов священнических облачений. Установлены в главном алтаре храма шесть штук ламп дневного освещения. Сделаны: стол, бочка, и бочки с кранами для раздачи крещенской воды. Сделана металлическая разборная ограда для ограждения места раздачи воды. Установлена на солеи главного храма Флора и Лавра металлическая оградка. Сделан аналой с изображением св. апостолов и Евангелистов.

п.п. Настоятель храма - священник	(Г. ПЕТРОВ)
Заштатный протоиерей -	(РОЖДЕСТВЕНСКИЙ)
Староста храма -	(ИСАЕВ В.В.)
Казначей храма -	(САВЕЛЬЕВ)

15 декабря 1954 г.

м.п.

В е р н о:

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Петров Григорий Степанович.

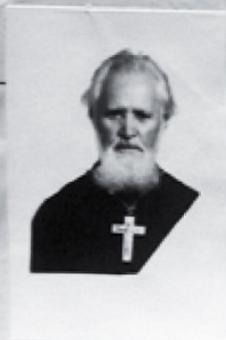
(звание, фамилия, имя, отчество)

Троицкая церковь села Ваулова

(название и адрес церкви)

Чеховского района Московской
области.

20. Настоятель Троицкой церкви села Ваулова, Чеховского р-на, протоиерей ПЕТРОВ Григорий. Добрый пастырь, любовно исполняющий свои обязанности. Истово служит и неопустительно говорит поучения. Заботится о храме Божием, о его благолепии и благоустройстве. Много потрудился в устройстве к храму асфальтированной дороги и изгороди вокруг храма. Имеет твердые нравственные устои. В семье мир и любовь. Пользуется любовью и глубоким уважением.

Данная книга подготовлена к изданию трудами и на основе воспоминаний настоятельницы Богоявленско-Анастасииного монастыря игумении Иннокентии (Травиной) и её матери, настоятельницы Макариево-Писемского монастыря схиигумении Макарии (Травиной).

Игумения
Иннокентия (Травина)

Схиигумения
Макария (Травина)
(† 21.06.2016 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
Воспоминания игумении Иннокентии (Травиной).....	5
Первая историческая справка (прот. Григорий Петров).....	13
Вторая историческая справка (прот. Григорий Петров).....	18
Третья историческая справка (прот. Григорий Петров).....	25
Объяснение.....	30
Приложение.....	38
Архивные документы.....	40
Архивные копии документов (приложение)	48
Содержание.....	78

+

УПОКОЙ ГОСПОДИ ДУШИ УСОПШИХ РАБ ТВОИХ

ПРОТОИЕРЕЯ ГРИГОРИЯ	(Петров, 12/25 марта 1903 – д. Рожд.)
МАРИИ	(Лисицына, супруга о. Григория)
НАДЕЖДЫ	} (дети)
ВЛАДИМИРА	
СТЕФАНА	(Петров, отец о. Григория)
ЕВЫ	(мама Марии Петровны)
МАТРОНЫ	(Погурная, бабушка о. Григория)
КОНСТАНТИНА	(Петров-Корнилович, дедушка о. Григория)
ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ	(Башук)
ОЛЬГИ	(супруга о. Василия)
СХИИГУМЕНИИ МАКАРИИ	(Травина, 25 февраля 1921 г. – + 21 июня 2016 г.)
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСИЯ	(Ставрович, настоятель Глуской Богоявленской церкви, учитель о. Григория)
ЕПИСКОПА ФИЛАРЕТА	(Бобруйский)
АРХИЕПИСКОПА НИКОЛАЯ	(Рязанский)
АРХИЕПИСКОПА МАКАРИЯ	(Можайский, посвятил о. Григория в священнический сан 10/23 марта 1952 г.)
АРХИМАНДРИТА СЕРГИЯ	(Савельев, настоятель церкви с. Богородское, г. Москва)
ПРОТОИЕРЕЯ ВИКТОРА	(Ипполитов, секретарь Московского епархиального управления)
ИОАННА	(Калинин, купец, на его деньги построена церковь Св. Муч. Флора и Лавра в г. Кашире в 1766 г.)

УДК 281.93
ББК 86.372.24
П83

Протоиерей Григорий Петров. Коломна : Лига, 2022. – 80 с. : ил.
П 83

Издание рассказывает об одном из выдающихся пастырей Русской Православной Церкви XX века – протоиерее Григории Петрове, чья жизнь в полной мере стала свидетельством истинного служения Христу и стояния в православной вере.

ISBN 978-5-98932-111-7

© Издательский дом «Лига»,
вёрстка, 2022